

ВСПОМИНАЯ ГОДЫ БОЕВЫЕ

Сердечно поздравляю жителей Опочки и Опочецкого района с 50-летием освобождения города и района от немецко-фашистских захватчиков. Желаю всем крепкого здоровья, благополучия, успехов в труде.

Предлагаю вниманию редакции газеты свои рифмованные строки, посвященные указанной дате.

1944—1994

Здравствуй, русское приволье,
Перелески и поля.
Бесконечное раздолье —
Наша Псковская земля.
Речки, рощи, в полудреме
Гладь озер, разливов
шири,

На холме в листве зеленої
Древний русский монастырь.

Ран своих следы не стерты,
Хоть прошло немало лет,
Как фашистских полчищ
орды

Мы изгнали с этих мест.
Было круто, очень лихо
На плацдарме за рекой,
Именуемой Великой,
С лысой Чертовой горой.
Помню каждую тут кочку,
Помню эти рубежи
От Пустошки до Опочки.
Сколько здесь солдат
лежит.

Фрицы хвастались
не в меру,
Закрепившись вдоль реки.
Их хваленную «Пантеру»
Разнесли мы на куски...
Потому ли так отрадно
Посетить сии края:
Здесь в боях на ниве

ратной

Зрела молодость моя,
Край великого поэта,
Породнились мы с тобой
Не стихом, не рифмой
меткой,
А своей солдатской лептой,
Кровью, пролитой войной.

С уважением,
участник боев,
член совета ветеранов
10-й гвардейской армии
АКСЕНОВ Константин
Федорович,
г. Москва.

• ПИШУТ ВЕТЕРАНЫ

СРАЖАЛСЯ ЗА ОПОЧКУ БАТАЛЬОН

Гвардейский отдельный штурмовой стрелковый батальон гвардии капитана Кудрявцева, двигавшийся в авангарде 29-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии генерал-майора Стученко 10-й гвардейской армии, после многодневных боев за Идицу, Пустошку, Звоны, преодолев реку Великую, подошел к Опочке. Это был важнейший военно-стратегический пункт, узел железной, шоссейной дорог, связанный с Островом, Псковом, Идицей, Себежем, Пустошкой и другими городами области.

Наш батальон занял не совсем выгодную позицию — его роты расположились на опушке леса в самой низине широкого травянистого поля, уходившего вверх к холмам, господствовавшим над окрестами. Комбат имел приказ — овладеть ключевой позицией противника на холмике, закрепиться и быть готовым продвинуться вперед к дороге, прикрывая с севера выход захватчиков из города или вход в него с последующим наступлением на Опочку.

Начало наступления — 4 часа 15 минут 13 июля 1944 года.

Оно началось точно в назначенный час после короткой, но мощной артиллерийской подготовки. Впереди бойцов броневым щитом шла рота танков гвардии лейтенанта Абрамова. Боевой порыв наступающих был так могуч, что ни густые разрывы мин, ни пулеметный ливень не в силах были поколебать воли наших гвардейцев. Ни один из них не дрогнул. Даже опочане, влившиеся в наш батальон только минувшей ночью, держались мужественно.

Думалось, что огненная лава затянет, затопит гитлеровцев и мы быстро овладеем ключевой позицией противника. Однако враг, используя время оккупации, географию местности, сумел в инженерном отношении укрепиться, превратить Опочку — особенно восточную часть по Валу — в мощный бастион сопротивления и сосредоточить здесь большие силы пехотных, механизированных и других частей усиления.

С флангов по нашим танкам ударила самоходка. Хитро спрятанный «Фердинанд» был прямой наводкой без промаха. Один танк загорелся. От удара другой вражеской самоходки вспыхнул второй танк. Стремясь изменить маневр, танкисты замедлили движение. И тут — новый удар, и опять потери...

А пока гитлеровцы сосредоточили весь огонь на танках, комбат Кудрявцев повел гвардейцев вперед. Пулей, гранатой, штыком и прикладом батальон стремительно уничтожил основную часть батальонного состава немцев, пленил более 80 солдат и офицеров, захватил 9 орудий, 11 минометов, 13 пулеметов, 2 самоходки, вкопанных в землю, и другие трофеи.

Здесь необходимо отметить, что впереди наступавших были коммунисты и комсомольцы. Со своей ротой гвардии лейтенант коммунист Слободчиков ворвался на ключевую позицию, дав батальону возможность прорваться вперед. Слободчиков при этом был смертельно ранен. Погиб в этом бою и гвардии сержант комсомолец Валентин Кирьяк из Оренбуржья, который в составе своего отделения взорвал два дзота с прислугой.

С уважением, участник боев, член совета ветеранов 10-й гвардейской армии АКСЕНОВ Константин Федорович, г. Москва.

три блиндажа, гранатами уничтожил 17 гитлеровцев, четыре пулеметных гнезда и, завладев крупнокалиберным пулеметом, уничтожил еще более двух десятков оккупантов.

Опомнившись через час полтора после того, как батальон овладел ключевой позицией врага, гитлеровцы подтянули пехоту и при поддержке артиллерийско-минометного огня пошли в атаку.

Фашисты шли напролом, уверенно, в полный рост, беспрерывно стреляя из автоматов на ходу. Их было намного больше, чем нас. Но мы имели преимущество: наш батальон успел закрепиться на захваченной у врага позиции — установить пулеметы, противотанковые ружья, мины на танкоопасном участке, батарею минометов, связь со своим 93-м гвардейским полком.

Подпустив врага на точное поражение, мы открыли огонь из всех видов оружия и за считанные минуты уложили наповал около сотни фашистов. Враг отступил. Но перестроившись и получив поддержку, атаковал нас со всех сторон. Батальон занял круговую оборону.

Капитан повел гвардейцев в атаку. Завязался ближний рукопашный бой. Нам удалось отбросить захватчиков от позиций. В этом бою особо отличился гвардии лейтенант Минаев. Он один уничтожил более двух десятков вражеских солдат. Следуя примеру Минаева, войны его взвода, не щадя жизни, разили врага. Защищая вход в блиндаж, в котором находились тяжелораненые, гвардии ефрейтор Бидный из Удмуртии в критическую минуту боя подорвал облемивших его фашистов последней противотанковой гранатой.

На наш батальон враг бросил более двадцати танков и бронетранспортеров. Гвардии младший лейтенант Булдаков из противотанкового ружья подбил два танка. Третий закрутился было на месте с перебитой гусеницей, но ему тут же пришел конец. Еще один танк подбил пэтэровец солдат Крайнов.

Все ближе и ближе подползали бронированные чудища с крестами на бортах, за которыми шли густые цепи вражеской пехоты. И тогда командир взвода, гвардии младший лейтенант Шаймердинов вместе со своим ординарцем Пахомычевым с противотанковыми гранатами поползли навстречу вражеским танкам. От метко брошенных гранат, два сразу же взорвались, за ними следом занялись смрадными костраями еще два «Тигра»... На герое динулась самоходка. Когда развеялись гарь, дым, пыль от снарядов и мин, мы рассмотрели четыре танка, завалившуюся набок самоходку и два бронетранспортера.

Шаймердинов и Пахомычев были награждены посмертно: первый — орденом Красного Знамени, второй — орденом Отечественной войны I степени.

Нашему взводу предстояло продвинуться вперед, к дороге Опочка — Пушкинские Горы. Но тут ударили вражеский пулемет, появились убитые и раненые.

Взвод залег. Вражеский пулеметчик, укрывшись за подбитым танком, не давал поднять головы. Тогда пулеметчик взвода Кравец (уроженец Опочецкого района, после войны жил в Нижнем

Новгороде) прополз по-плакучински вдоль цепи и уничтожил эту огневую точку. По гвардейцу неожиданно открыл огонь фашистский пулемет с бронетранспортера. Кравец был ранен. Но тем не менее сумел точной очередью бронебойно-зажигательными пулями поджечь вражескую машину. Из нее выскоцили три гитлеровских солдата. Все они были тут же убиты.

Комбат Кудрявцев, узнав от пленных, что со стороны Покровского через речку Иса идет колонна вражеских автомашин с пехотой, вызвал гвардии старшину Калабуна, командира взвода разведроты, и дал задание пробраться к лощине речки Иса и перекрыть дорогу.

Калабун с восемнадцатью разведчиками в полной экипировке удачно пробралась в заданный район. Когда вражеские автомашины поравнялись с разведчиками, Калабун бросил под колеса головной автомашины одну из другой несколько противотанковых гранат. Взрывом машину перевернуло, она воспламенилась, закупорив движение. И в этот момент разведчики открыли огонь по фашистам из ручных пулеметов и автоматов. У врага началась паника. Попытки развернуть автомашины привели к их столкновению. Фашисты начали разбегаться. Вражеский офицер собрал большую группу солдат и повел их на залегших разведчиков. Исход боя мог оказаться печальным для горсточки наших храбрецов. Но Калабун нашел выход. Он пробрался к брошенному врагом автомобилю, на котором стоял пулемет, и первыми же очередями убил офицера и унтер-офицеров. Лишившись командиров, гитлеровцы разбежались. 47 из них сдались в плен нашим разведчикам.

Все разведчики были награждены, а гвардии старшина Калабун был досрочно повышен в звании — стал гвардии младшим лейтенантом.

В числе первых на улицы Опочки ворвались славные минометчики гвардии лейтенанта Юрия Сигунько-ва, уничтожив на подступах к городу восемь пулеметных точек и девять — в Опочке в районе Дома культуры, электростанции, спиртзавода, кинотеатра, библиотеки.

Героический подвиг совершила военфельдшер Аня Коверда. Когда из строя выбыли в первой роте нашего батальона все офицеры, она приняла командование ротой и отбила три атаки врага.

Гвардии рядовой Чернышев на реке Великой подорвал два танка. С третьим ушел в бессмертие. Посмертно награжден орденом Отечественной войны.

Невозможно перечислить имена всех воинов нашего отдельного гвардейского штурмового стрелкового батальона гвардии капитана Кудрявцева, героически сражавшихся за древний русский город Опочку. Но в день, когда город и район будут отмечать пятидесятилетие со дня освобождения от немецко-фашистских захватчиков, о них — и погибших, и оставшихся в живых — забыть нельзя.

А. КРИВОРОТОВ,
ветеран Великой
Отечественной войны,
гвардии майор в отставке,
участник боев
за освобождение
Опочки и района.

Два дня
в середине
июля...

Я был слишком мал, чтобы пройти Великую Отечественную войну солдатом. Моя судьба стала судьбой миллиардов мирных жителей, защищенных в их селах и родах. Тяжелые и чудесные дни, когда наша земля была захвачена оккупантами, я был слишком мал, чтобы помнить.

Мы жили на улице Урицкого, недалеко от реки. Однажды наши солдаты увидели где-то около утра 14 июля. Она была в своем городе. И вдруг увидел солдат в красноармейской форме. Первый вопрос, который она от них услышала: «Далеко ли река? И железнодорожный мост рез реку?». Мать ответила: «Мост взорван, река рядом. Сквозь воду течет река».

Санитары разбили временный мост. Маша проработала долго. Уночка боялся, что кто-нибудь скажет: «Сквозь воду течет река». Маша проработала долго. Уночка боялся, что кто-нибудь скажет: «Сквозь воду течет река». Маша проработала долго. Уночка боялся, что кто-нибудь скажет: «Сквозь воду течет река». Маша проработала долго. Уночка боялся, что кто-нибудь скажет: «Сквозь воду течет река».

Господа медсестры, Опочки. Не успели мы пересечь мост, как впереди появился другой санитар. Он в ответ дал добрый совет — срочно покинуть дом.

Время прошло незаметно, вот в 12 дня началось фильтрование реки Великой. Рядом с городским стадионом Пашкино на противоположном берегу обрушился артиллерийский залп. На высоте, одно звено другим, прошли наши штурмовики. Нам с матерью пришлось срочно бежать из дома в сторону железнодорожной станции (сейчас здесь расположено районо), а затем Шлепетину.

В деревне располагалось много наших солдат. Подвозили раненых. Мы могли, чем могли. А потом объявили, что состоится большой концерт. За три дня оккупации мы впервые слушали наши песни. Вместе с нами слушали их солдаты. После концерта объявили: «Город освобожден от немецких захватчиков. Можете вернуться в свои дома полночь 15 июля мы вышли из дома, я увидел убитого офицера. Невдалеке лежали солдаты в сержантской форме. Мы посмотрели их документы. Убитыми оказались солдаты Астахов и гвардии сержант Воронин. Мой солдат Матвей Иванович Иванов, лежал два деревянных памятника, на обстрелянных деревянных дощечках мы написали имена и фамилии убитых и похоронили их невдалеке.

В 1947 году я былзван на военную службу. Город не был нескользким. А когда вернулся, то не нашел знакомых могил. Глядя, в начале пятидесятых погибших перезахоронили братскую могилу на берегу Великой. Но фамилии солдат, на которых лежали деревянные памятники, уже не знали. Память о них навсегда ушла.

В 1947 году я былзван на военную службу. Город не был нескользким. А когда вернулся, то не нашел знакомых могил. Глядя, в начале пятидесятых погибших перезахоронили братскую могилу на берегу Великой. Но фамилии солдат, на которых лежали деревянные памятники, уже не знали. Память о них навсегда ушла.

Когда я вернулся в Опочку, то не нашел знакомых могил. Глядя, в начале пятидесятых погибших перезахоронили братскую могилу на берегу Великой. Но фамилии солдат, на которых лежали деревянные памятники, уже не знали. Память о них навсегда ушла.

Когда я вернулся в Опочку, то не нашел знакомых могил. Глядя, в начале пятидесятых погибших перезахоронили братскую могилу на берегу Великой. Но фамилии солдат, на которых лежали деревянные памятники, уже не знали. Память о них навсегда ушла.

Когда я вернулся в Опочку, то не нашел знакомых могил. Глядя, в начале пятидесятых погибших перезахоронили братскую могилу на берегу Великой. Но фамилии солдат, на которых лежали деревянные памятники, уже не знали. Память о них навсегда ушла.

Когда я вернулся в Опочку, то не нашел знакомых могил. Глядя, в начале пятидесятых погибших перезахоронили братскую могилу на берегу Великой. Но фамилии солдат, на которых лежали деревянные памятники, уже не знали. Память о них навсегда ушла.

Когда я вернулся в Опочку, то не нашел знакомых могил. Глядя, в начале пятидесятых погибших перезахоронили братскую могилу на берегу Великой. Но фамилии солдат, на которых лежали деревянные памятники, уже не знали. Память о них навсегда ушла.

Когда я вернулся в Опочку, то не нашел знакомых могил. Глядя, в начале пятидесятых погибших перезахоронили братскую могилу на берегу Великой. Но фамилии солдат, на которых лежали деревянные памятники, уже не знали. Память о них навсегда ушла.

Когда я вернулся в Опочку, то не нашел знакомых могил. Глядя, в начале пятидесятых погибших перезахоронили братскую могилу на берегу Великой. Но фамилии солдат, на которых лежали деревянные памятники, уже не знали. Память о них навсегда ушла.

